

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ:

«КИНО — ИГРУШКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ»

Михаил Сергеевич Боярский родился 26 декабря 1949 года в Ленинграде, в семье актеров Театра имени Комиссаржевской Сергея Боярского и Екатерины Милентьевой. Учился в музыкальной школе при консерватории по классу фортепиано. После школы Михаил Боярский поступил в Институт театра, музыки и кинематографии, окончил который в 1972 году, начал работать в Театре имени Ленсовета у Игоря Владимирова. В кино актер дебютировал в фильмах "Мосты" и "Соломенная шляпка" (1974 г.), а известность к нему пришла в 1975 году после удачной роли в картине "Старший сын". Гораздо большую популярность принесла Михаилу Боярскому главная роль Трубадура в поставленном на театральной сцене мюзикле "Трубадур и его друзья", Принцессу в котором сыграла Лариса Луппиан, вскоре ставшая женой Боярского. Одной из лучших работ актера стал Теодоро в великолепном музыкальном фильме Яна Фрида "Собака на сене" (по пьесе Лопе де Веги) — в фильме, до сих пор любимом зрителями. Звездный час Боярского настал в 1978 году, с выходом на экраны страны картины Г. Юнгвальд-Хилькевича "Д'Артаньян и три мушкетера", в которой он исполнил главную роль, хотя вначале его намеревались снять в роли... Рошфора. Благодаря Д'Артаньяну и популярным песням из фильма слава актера достигла невероятных высот. Интересны также работы актера в другой серии историко-костюмных фильмов, поставленных Светланой Дружининой: "Гардемарины, вперед!" (1987 г.) и "Виват, гардемарины!" (1991 г.). Ныне Михаил Боярский руководит им же организованным театром "Бенефис", один из спектаклей которого — "Интимная жизнь" — в 1997 году получил приз на международном фестивале "Зимний Авиньон".
Заслуженный артист РСФСР (1984 г.).
Народный артист РФ (1990 г.).

неку, Аристотеля, Платона, Библию, Пушкина, Толстого... В школе мы не изучали ни истории религии, ни философии... И вот эти пробелы я пытаюсь сейчас заполнить. Я же не Гордон, который знает все: и математику, и культуру... Меня интересует развитие человеческой мысли, начиная с Древней Греции и Рима и кончая сегодняшними днями. Я не образован в этом плане. Хотя умный артист — это определенный минус для проявления эмоций.

— Вы уже много лет живете с супругой. Наверняка есть секрет?

— Жена у меня и главный друг, и главный враг. Мы любим друг друга до сих пор. А чтобы сохранить чувства — просто живем по совести.

— Жить по совести подразумевает также и работать. Как вы относитесь к тому, что сейчас многие поют под фонограмму?

— Если под минусовку (когда записан только оркестр), то и не страшно. Я и сам вожу с собой диск, а не целый оркестр. Но есть такие, которые просто открывают рот... Так что ж им еще делать за отсутствием таланта? Совести нет у таких исполнителей, зато денег очень хочется. Обидно, что зритель у нас нетребовательный.

— Однако вы капризны в музыке. А в еде также притязательны?

— Совсем нет. Могу удовлетвориться обычной гречневой кашей. А с годами понимаю: что бы человек ни пробовал за свою жизнь, всегда самым вкусным останется то, что готовила в детстве мама. Можно перепробовать самые дикие и изысканные блюда, но к старости все вернется на круги своя, и мы вновь полюбим "детскую" еду.

— И к чему вернетесь вы?

— Прозрачный куриный бульон с кусочками курицы и отдельно сваренными макаронами или лапшой. А на второе — котлеты с каким-нибудь гарниром. Мне все больше дают гречку, потому что она для здоровья полезна, но я больше всего люблю картошку в любом ее качестве: вареную, в мундире, печеную, пюре, жаренную с луком. И к ней — кусок мяса с горчицей!

— Сами можете приготовить?

— В принципе могу, но вопрос — для кого. Дочка очень капризна в еде. Сын готовит сам. Жена с этим хорошо справляется и без моей помощи.

— Как же не для кого! А приятное жене?

— Она рада всему, что я приготовлю, потому что я делаю это очень редко. Даже если просто из банки выложу консервы на тарелку, ей все равно приятно. Бывало, раньше Лариса

задерживалась в театре на спектакле, и я к ее приходу жарил купаты, делал салат. Она была в шоке от самого факта!

— То есть "домовитый" — это не про вас?

— Дома я всегда, как натянутая стрела, готовая вылететь на работу. Дома я всегда готовлюсь к работе. На работе я более спокоен. Отдыхать не приходится. Если есть работа, то мне дома и спать необязательно.

По материалам
информгентств.

— Как вам удается выглядеть вечно юным мушкетером?

— Я до сих пор не обращался к врачам, не делал пластических операций, ведь хорошо выглядеть — это не профессия. Тратить себя нужно больше: ты отдаешь себя людям — люди дарят тебе частицу себя. Это не дает стариться.

— Никогда не жалели, что после удачной роли в экранизации романа Дюма вас всю жизнь отождествляют с Д'Артаньяном?

— Я очень много играл в кино и театре, но не я руководил своей судьбой. Зрители выбрали этот персонаж, и я понял, что лучшего персонажа в моей судьбе нет. И я даже не думал, что это так будет влиять на мою судьбу и что мне будут задавать такие вопросы. Для меня это была очередная работа, затерявшаяся в хаосе сумасшедших ролей и репетиций в театре, кино, на телевидении... Это было как бы между прочим, а потом как то все остальное отпало, растаяло, осталось то, что зрители воспринимают до сих пор. Это чудовищно, что я вижу этот фильм практически каждый день, но я не управляю этим процессом. То на СТС, то на ТВЦ, то в Белоруссии, то на Украине, то в Грузии показывают "Мушкетеров". Сменилось несколько поколений. Кто-то рождается и видит этот фильм впервые, а родители очень благодарны, что там нет ни мата, ни насилия, там гениальная музыка Дунаевского. Это ключевое решение фильма — музыка, которая будет существовать и без фильма.

— Вы следите за современным кино?

— Перестал.

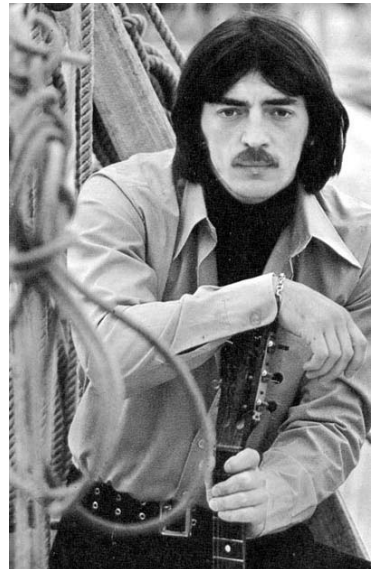
— Почему?

— Это игрушка для взрослых. Игрушка до какого-то определенного времени. Сначала братья Люмьер показали чудо: "Ой, поезд едет!". Потом наполнили его звуком, цветом. Потом: "Давайте попробуем психологию!" — "Давайте!". "Давайте компьютерную графику!" — "Давайте!". "А давайте про динозавров. А порнуху?" — "Давайте!". Все попробовали? Я уже все что можно, посмотрел, удивить меня можно только актерской игрой, которая есть у Аль Пачино и еще у десяти более-менее интересных акте-

ров, все остальное мне неинтересно.

— А к засилью голливудских лент в российском прокате как вы относитесь?

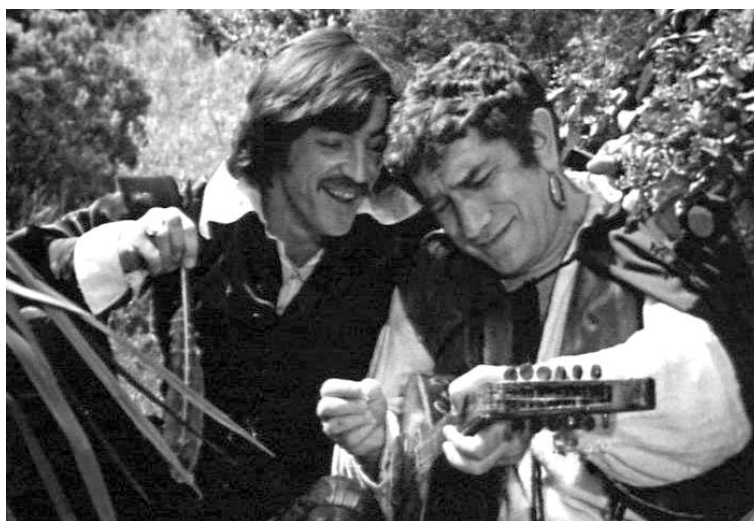
— Да никак, потому что меня "засилить" невозможно, я просто не обращаю на это внимания. Голливуд — это сумасшедшее производство, но эта машина — она из области неживого, она же ничего не чувствует. И это теперь и России ясно. Пусть раньше мы не видели много хорошего, но к нам не допускали ужасающего, плохого, низкопробного. А сегодня низкопробно-

го больше, чем достойного внимания. На мой взгляд, лучше прочесть одну хорошую книгу, чем сто ужасных.

— Что такое, по-вашему, талант?

— Талант может быть дан от Бога — это то, чему не научишь; а есть ремесло, поклонником которого я являюсь. Артист, который работает по наитию, может сыграть один спектакль хорошо, другой плохо, третий великолепно, четвертый вообще провалить. А для профессионального артиста существует определенный предел, за который переступать нельзя: ты выступаешь лучше или хуже, но на том максимуме, которого ты на сегодняшний день добился своим опытом, пониманием профессии, драматургии, взаимоотношений с партнером. Ремесло — дело серьезное, ему приходится учиться не только в те-

атральном институте, но и на протяжении всей своей жизни. Поэтому перед тем как идти на сцену, всегда есть страх, поджилки трясутся, пот выступает, даже если ты играешь сотый или тысячный спектакль. И актеры — верующие и неверующие — почти всегда крестятся перед выходом на сцену: все Бога побаиваются.

— И что сейчас вышло на первый план в вашей жизни?

— Все что угодно, кроме работы: погода, природа, друзья, семья, застолья... В свободное от раздумий время я занимаюсь работой. Это и сольные выступления, и концерты такого вот плана, как "Золотой граммофон". Телевизионные выступления. Гастрольная жизнь у меня достаточно активная. Приглашения в Канаду, Новгород, Иркутск, Киев, в котором я все чаще выступаю.

Есть гитара, новые мелодии и тексты. Знаете, я очень люблю сидеть в студии и записывать новые песни. Музыкальное образование, которое я получил в школе, требует своего выхода. Записываю свои мысли, размышления...

— Речь идет о книге?

— Ни в коем случае. Сейчас такое ощущение, что все артисты стали писателями. Я в себе не нахожу таких талантов. Просто фиксирую определенные идеи и мысли, записываю, что бы я хотел сделать, если бы...

— Когда вы проходите мимо театра Ленсовета, в котором стали звездой, какие испытываете чувства?

Как будто никогда из него и не уходил. Вот двери только в нем сейчас стали открываться не в ту сторону. А так — все то же самое. А вот люди другие. И это печально. Все меняется. Волна актеров пришла — волна ушла. Но театр Ленсовета для меня по-прежнему остается самым родным.

— Сейчас в театре — Михаил Пореченков, Костя Хабенский, которые стали звездами благодаря сериалам.

— Это новая плеяда актеров. Ребята коллеги хвалят. Может, я не все успеваю посмотреть, но то что видел, позволяет мне судить о них как об интересных драматических артистах. И съемки в сериалах они пытаются использовать по максимуму. Но мне кажется, что на сцене у них более интересные работы. С пониманием отношусь и к сериалам. Артист без работы неловко себя чувствует.

— Вы работой не обделены...

— Я в постоянных разъездах. Но чувствую, что нужно остановиться, осмыслить что-то. Пришло время собирать камни. До этого я все раздавал. Почитать книги, посмотреть спектакли, сходить в музеи. Нужно набрать новых идей, мыслей... Знаете, подпитать себя. Читаю Се-

